

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД В ДЕМОГРАФИИ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Опубликовано в: Эволюционная и институциональная экономика: теория, методология, практика исследований: Материалы III Всероссийской летней школы молодых исследователей эволюционной и институциональной экономики (10—14 сентября 2012 года). Т. 2. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013, с.123-137.

Введение

Я хотел бы начать эту лекцию с параллели между экономической и демографической теорией. И в той и в другой есть свой *mainstream* – доминирующее научное направление. В экономической теории это неоклассика, в демографической – теории демографического перехода¹. И в том и другом случае институционализм выступает в качестве альтернативы доминирующему направлению.

Вы, наверное, знаете, что термин «институционализм» это зонтичное понятие, охватывающее довольно разные направления экономической и социологической мысли. Но есть некоторые объединяющие их идеи, я бы сформулировал их так: «институты имеют значение, история имеет значение, география имеет значение». Упоминание истории и географии в этом контексте неслучайно, поскольку в институтах «кристаллизованы» ответы различных обществ на вызовы, порожденные их историей и географией.

Теперь немного об истории и литературе вопроса. В 2005 году я опубликовал в журнале «Общественные науки и современность» статью под названием «Теория демографического развития: институциональная перспектива» [11]. В том же номере журнала была опубликована ответная

¹ Число публикаций, в которых излагается теория демографического перехода огромно. На русском языке знакомство с ней можно начать с работ А.Г.Вишневого [2,3], на английском – с [19,20]. О теории второго демографического перехода можно прочитать в переведенной на русский язык статье одного из ее создателей Д. Ван де Каа [1]. У нас эту теорию развивает С.В.Захаров [6,23]. Мой взгляд на названные теории изложен в учебнике [5] и статье в «Социсе» [7], но, как вы наверное догадываетесь, взгляд этот довольно критический.

публикация А.Г.Вишневого, в которой он «хотел бы заступиться за теорию демографического перехода, столь сурово раскритикованную в статье М.А.Клупта» [4, с.150]. Статья Вишневого называлась «Это ключ от другого замка», в ней он перечислил вопросы, замечу, весьма болезненные и актуальные, ответа на которые от теории демографического перехода, по его мнению, требовать нельзя, ибо она предназначена для других целей. Что ж, будем считать это «сухим остатком» дискуссии и попытаемся с помощью институционального подхода подобрать ключ к тем замкам, которые теории демографического перехода открыть не могут.

1. Институциональный взгляд на проблемы рождаемости

Вы, конечно же, знаете, что несмотря на определенные успехи, достигнутые в последние годы, низкая рождаемость остается одной из наиболее болезненных проблем России. Попробуем взглянуть на эту проблему с позиций институционального подхода. Обратимся для этого к опыту других стран.

Посмотрим на рис. 1 и зададимся вопросом: почему так велик разрыв в уровнях рождаемости в наиболее развитых странах мира? Есть группа самых развитых стран, где уровень рождаемости очень низок: Сингапур, Гонконг, Япония, Южная Корея в Азии и Германия, Италия, Испания в Европе. Здесь суммарный коэффициент рождаемости² (СКР) составляет от 1,2 до 1,4– при длительном сохранении такого уровня рождаемости родительское поколение будет замещаться поколением детей не более чем на две трети. А есть страны, не менее развитые, где СКР только чуть-чуть не дотягивает до уровня полного замещения родительского поколения поколением детей (он составляет примерно 2,1). Это США, Франция, Великобритания, Ирландия, Швеция, Австралия, Новая Зеландия и ряд других. И

² Суммарный коэффициент рождаемости показывает, сколько в среднем детей родила бы одна женщина за всю жизнь при сохранении возрастных уровней рождаемости, наблюдаемых году для которого рассчитывается этот коэффициент.

еще: как получилось, что на протяжении всей послевоенной истории СКР во Франции был выше, чем СКР в Германии (рис.2)?

ЗДЕСЬ РИС.1 и РИС.2

Ответы, которые дает на эти вопросы институциональный подход заключаются в следующем.

1. В каждой стране такие институты³ как семья, государство, рынок труда и другие, а также неформальные представления о том, какими должны быть «правильные» папа и мама, муж и жена образуют свои специфические комбинации (институциональные структуры). Такие институциональные структуры отчасти создаваемые целенаправленно, а отчасти формирующиеся спонтанно во многом определяют уровень рождаемости в данной стране.

2. В развитом мире рождаемость, как правило, выше там, где удалось построить (или «выстроилась» сама) система институтов, способствующих совмещению родительских и профессиональных ролей. В Японии и Корее сложилась институциональная структура, менее благоприятная для деторождения – нормативные представления о роли женщин в семье все еще достаточно традиционные и выход из конфликта профессиональных и семейных ролей женщины находят в позднем вступлении в брак и рождении одного ребенка. В Италии лет десять назад ситуация была в чем-то схожей – внебрачные сожителства рассматривались, как нечто второсортное, развестись достаточно сложно, отношения мамы и сына/дочки традиционно очень теплые, рынок труда неблагоприятен для женщин. Результатом стала ситуация, когда мужчины в брак вступали около тридцати, женщины около двадцати семи, рождаемость была крайне низкой. Обо всем этом можно прочитать в интересной статье [18]. Сейчас ситуация, возможно чуть из-

³ Хочу предупредить, что в этой лекции я буду довольно вольно обращаться с понятием «институт». Тем, кому необходимо разобраться в сложившихся на сегодняшний день многообразных трактовках этого термина следует обратиться к соответствующим учебным курсам.

менилась, во всяком случае доля внебрачных рождений в Италии, как почти везде в Европе (но не в России) растет, однако рождаемость все равно остается низкой.

3. Система институтов, благоприятствующая совмещению родительской и профессиональной ролей, является достаточно ресурсоемкой. Взгляните еще раз на рис. 1. Среди развитых государств, в которых ситуация с рождаемостью относительно благополучна только богатые страны – правый верхний квадрант рисунка заполнен, а левый верхний – пуст. Франция уже почти целое столетие проводит активную пронаталистскую (направленную на повышение рождаемости) демографическую политику, это потребовало огромных средств, но и результаты оказались весомыми. В США, стране, где государство традиционно играло значительно меньшую роль в жизни общества по сравнению с Францией, хорошо развит рынок негосударственных услуг по уходу за детьми.

4. История имеет значение. Между двумя мировыми войнами Франция и Германия соревновались: где родится больше будущих солдат. Гитлер своими фашистскими методами продолжал эту политику и во время второй мировой войны.

После второй мировой войны Франция – одна из победивших держав продолжала политику материального поощрения рождаемости и создала щедрую систему пособий для семей с детьми. В Германии же это было немыслимо, потому что такая политика воспринималась бы как продолжение политики фашистского «третьего рейха». После разгрома фашистской Германии и ее денацификации в ФРГ было выстроено социальное государство, но оно, в отличие от Франции, не было «заточено» на стимулирование рождаемости. Задача социальной политики ФРГ в пятидесятые-шестидесятые годы прошлого века виделась в том, чтобы мужчина зарабатывал «за двоих», а женщина оставалась домохозяйкой. Во Франции, напротив, работающая мать семейства воспринималась как норма. Переход к

модели двух работающих супругов в Германии произошел позднее, чем во Франции, система дошкольных детских учреждений до сих пор развита в Германии хуже. В результате в Германии противоречие между профессиональной и родительской ролями острее, чем во Франции.

5. Одни и те же меры демографической политики могут быть эффективными в одной стране и провальными в другой. В этой связи мне хотелось бы процитировать одного из самых известных институционалистов – лауреата Нобелевской премии в области экономики Д.Норта. «Аргументы, приводимые неоклассической теорией, - пишет Норт, неубедительны в силу того, что хотя ее модели объясняют различия экономик на базе различий в объеме инвестиций в образование, норме сбережений и т.п., они не могут объяснить, почему проваливаются попытки предпринять необходимые меры, даже если они способны обеспечить высокую отдачу. А отдача определяется институтами.» [15, с.6]. И еще: «выбор, который мы делаем сегодня или завтра, - пишет Норт, сформирован прошлым. А прошлое может быть понято нами только как процесс институционального развития» [14, с.12]. Примерно также обстоит дело с демографической политикой – «объяснить, почему проваливаются попытки предпринять необходимые меры, даже если они способны обеспечить высокую отдачу» можно лишь обратившись к институтам и сформировавшим их истории и географии.

Один из наиболее известных современных зарубежных демографов Дж. Макниколл предлагает, например, такую формулу: «*legacy, policy, circumstance*», то есть «культурное наследие – политика – внешние обстоятельства» [21]. Очевидно, что первые два звена этой формулы тесно связаны с институтами. Институты, с одной стороны, являются «кристаллизованным» культурным наследием, с другой - создают «коридор», или, говоря иными словами, институциональные ограничения, за пределы которых политика выйти, при всем желании политиков не может.

Наиболее яркая иллюстрация – сравнение Индии и Китая. В Китае чрезвычайно жесткий административный контроль над рождаемостью, часто называемый «политикой одного ребенка» оказался эффективным. Сейчас суммарный коэффициент рождаемости в Китае составляет примерно 1,5 и, по некоторым прогнозам, Индия опередит Китай по численности населения уже в следующем десятилетии, а к 2050г. в Китае будет проживать не 1350 млн. человек, как сейчас, а «всего» 1310 млн. человек [16].

В Индии попытки «прямого наступления» на рождаемость путем массовой стерилизации населения в 1976-1977гг. очень быстро закончились поражением правящей партии на выборах 1977г., после чего демографическая политика стала и остается по настоящее время гораздо более мягкой. Политические институты КНР и, в частности, однопартийная система, обеспечивали возможность тотального контроля над рождаемостью на уровне сельской общины, а неписанный «социальный контракт» между народом и властью допускал вмешательство государства в семейную жизнь, если это оправдывалось коллективными интересами общества. В Индии же практика массовой стерилизации противоречила религиозным канонам и обычаям, а существование многопартийной системы привело к поражению партии, осуществлявшей непопулярную политику. Нечто подобное произошло и в Перу в правление экс-президента А.Фухимори, но это отдельная история.

Все сказанное можно иллюстрировать с помощью «институциональной призмы» [8, с.279], изображенной на рис.3. Один и тот же импульс I (например, демографическая политика), проходя через различные институциональные структуры $IS1$ и $IS2$, приводит к различным демографическим результатам $DR1$ и $DR2$.

ЗДЕСЬ РИСУНОК 3

Естественно, возникает вопрос, какие выводы из всего вышесказанного вытекают для России? Если коротко, то вывод следующий: необхо-

димо способствовать формированию институциональной структуры, благоприятствующей рождению и воспитанию детей. Главными направлениями являются: (1) создание благоприятных условий для совмещения профессиональной и родительской ролей; (2) решение жилищной проблемы; (3) создание морального климата, в котором семья и родительство рассматриваются как первостепенные жизненные ценности. Подчеркну: семье, конечно, необходимо помогать материально, но не нужно забывать и о символическом значении любых мероприятий. Обратите внимание на статистику: «материнский капитал» привел к росту численности рождений еще до того, как люди его начали реально получать.

К этому я хотел бы добавить, что спецификой России является колоссальное «недоинвестирование» всей сферы воспроизводства и защиты человеческой жизни. Думаю, это одна из причин, по которой любые выплаты и льготы, стимулирующие рождаемость, столь сильно влияют на демографическое поведение.

2. Институциональный взгляд на вопросы смертности

Проблема низкой продолжительности жизни в нашей стране остается острой. Продолжительность жизни в России начала медленно снижаться еще в советский период, а в 1990-х гг. произошел ее особенно резкий спад - до 64 лет в 1994г. Только с 2005г. наблюдается ее устойчивый рост. Сейчас средняя ожидаемая продолжительность жизни в России составляет около 70 лет. Это, конечно, прогресс по сравнению с 1990-ми годами, но все равно намного меньше, чем в наиболее развитых странах мира – например, в соседней Финляндии данный показатель составляет на 10 лет больше. Кроме того, мужчины в России живут в среднем на 12 лет меньше женщин, тогда как для развитых стран характерен гораздо меньший разрыв – от 4 до 6 лет.

Естественно возникают два традиционных вопроса – о причинах этого негативного феномена и о том, как можно выправить ситуацию. В этой

лекции хотелось бы остановиться лишь на одном аспекте вопроса – том, что связан с культурой, нормами и институтами. Это, конечно, не значит, что экономика, уровень жизни не имеют для данного вопроса какого-либо значения. Но я хотел бы обратить внимание на то, что не все определяется экономикой, поскольку список стран, в которых среднедушевой валовой национальный доход ниже, причем иногда существенно ниже, чем в России достаточно обширен и включает страны с различным климатом и культурными традициями. Вот лишь некоторые из них: Китай, Куба, Перу, Сербия, Тунис.

Неравномерность распределения доходов внутри страны также нельзя сбрасывать со счетов, но объяснение нельзя свести только к этому фактору. Например, страны Латинской Америки добились за последние полвека большого прогресса в повышении продолжительности жизни, многие из них обогнали Россию по этому показателю. А ведь масштабы имущественного неравенства в Латинской Америке не ниже чем в России, а разрыв в уровне образования различных групп населения существенно выше,

В общем, отдавая должное материальной стороне дела, не стоит забывать и о том, что причины неблагополучия лежат также в культуре и институтах. Культура, среди прочего, представляет собой определенный набор способов адаптации человека и общества в целом к социальной и природной среде. Если продолжительность жизни ненормально низка, то этот набор нельзя признать удачным, в нем надо что-то менять. Несправедливо, да и вряд ли продуктивно обвинять в кризисе продолжительности жизни российскую культуру в целом. Более точным представляется иной подход – выделить в рамках столь многослойного и сложного феномена как культура те ее блоки, которые функционируют недостаточно эффективно, те ее элементы и связки, которые негативно влияют на продолжительность жизни.

Здравоохранительное поведение, то есть поведение, направленное на сохранение собственного здоровья и здоровья окружающих, вписано в культуру общества (рис.4). Ввиду этого воздействие на здравоохранительное поведение может осуществляться на двух уровнях культуры – «верхнем» - смыслообразующим и «нижнем» - повседневном, бытовом [8].

ЗДЕСЬ РИСУНОК 4

Емкую характеристику того, что представляет собой «верхний» уровень культуры дал в свое время выдающийся российский мыслитель и ученый В.В.Налимов (1910-1997). По его словам «психика человека неустойчива, легко уязвима. Она нуждается в постоянном терапевтическом воздействии, которое осуществляется путем привносимого культурой раскрытия новых аспектов реальности мира, порождающих новые смыслы, новые ценностные представления» [13, с.132]. Формируя базовые смыслы жизни (то, ради чего стоит жить), культура тем самым мотивирует здравоохранительное поведение – если есть ради чего жить, то есть и ради чего беречь здоровье, а если уж рисковать им, то ради каких-то высоких (опять-таки сформированных культурой) идеалов.

Представив культуру в виде иерархической многоуровневой структуры, можно предположить, что основные «поломки» в культурном механизме, обуславливающие кризис продолжительности жизни, наблюдаются:

- На «верхних» уровнях культуры, ответственных за формирование смысла жизни;
- на более «приземленных» уровнях - повседневной культуры и формируемых ею бытовых практик;
- в каналах прямой и обратной связи между названными уровнями.

К началу 1990-х годов от культуры дореволюционной России остались, в лучшем случае, ностальгические воспоминания, а советская культура была дискредитирована. С этой точки зрения кризис продолжитель-

ности жизни в 1990-е годы это не только следствие колоссального недофинансирования сферы воспроизводства и защиты человеческой жизни, но и результат широкого распространения аномического поведения. Аномическое поведение это поведение, при котором человек знает о существовании некоторых норм, но не считает необходимым или не видит возможности следовать им в реальной жизни.

В то же время, здравоохранительное поведение (или отсутствие такового) во многом определяется повседневной («бытовой») культурой, в рамках которой формируются практики, более или менее благоприятные для здоровья. Непосредственное влияние на здравоохранительное поведение оказывают именно эти бытовые практики. Они относительно независимы от верхних этажей культуры, но все же в известной степени «подчинены» им: если на верхних уровнях культуры человеческая жизнь считается высшей ценностью, то на нижних, «бытовых» этажах создается благоприятный фон для бережного отношения к своему и чужому здоровью. Если же смыслообразующие функции, за которые отвечают «верхние этажи» культуры, ослабевают, то на «нижних этажах», бытовом уровне начинается буйный рост «сорняков», «цветов зла».

Из иерархической модели культуры, о которой уже говорилось выше в этой главе, вытекает, что на формирование здравоохранительного поведения, можно воздействовать на разных уровнях. «Наверху» – с помощью культурной политики, воздействия на систему ценностей и норм, содействия всему тому в культуре, что возвышает человеческую жизнь и придает ей смысл. «Внизу» - формируя повседневную культуру, воздействуя на бытовые практики, формируя привычку к здоровому образу жизни со всеми его «приземленными», рутинными элементами – разумным чередованием работы и отдыха, здоровым досугом, правильным питанием, занятиями физической культурой, профилактическими медицинскими осмотрами, своевременным обращением к врачу и т.д.

3. Институциональный взгляд на международную миграцию

Об институциональном подходе к международной миграции, ввиду временных ограничений, совсем коротко. Проблема международной миграции становится все более острой, причем в мировом масштабе. Еще не так давно авторы теорий модернизации, вестернизации, «конца истории» уверяли нас, что Запад вот-вот переделает весь незападный мир по своему подобию. Теперь, в условиях массовой миграции из развивающихся стран, многие на Западе опасаются: не получилось бы наоборот (см., например, [12]) Мои взгляды на это вопрос изложены в недавних статьях в журналах «Общественные науки и современность» [10] и «Мировая экономика и международные отношения» [11].

Не пытаясь охватить проблему целиком, остановимся лишь на одном, заслуживающем внимания феномене – опросы показывают, что в различных развитых странах отношение к мигрантам из развивающихся стран далеко не одинаково (таблица 1). На одном полюсе канадцы, которые, в большинстве своем, относятся к эмиграции скорее как к возможности, нежели как к проблеме. На другом – британцы, 37% которых относят эмиграцию к числу двух самых острых проблем, стоящих перед страной. Возникает вопрос, в чем состоит причина столь заметных различий?

Таблица 1

Отношение населения некоторых развитых стран к иммиграции

Страна	Доля (%) населения, полагающего, что иммиграция		
	относится к числу двух самых острых проблем страны	скорее проблема, чем возможность	скорее возможность, чем проблема
США	17	54	39
Канада	10	25	68
Великобритания	37	66	27
Франция	16	43	50
Нидерланды	10	45	46

Германия	19	44	48
Италия	21	49	32

Источник: [22]

Ответ можно опять-таки поискать в географии и тесно связанных с ней институтах. По мнению канадского политолога К.Бантинга, иммиграционная политика Канады, основанная на отборе кандидатов на переезд в странах их происхождения, "сводит к минимуму социальную поддержку вновь прибывших, оставляя тем самым меньше места для обвинений иммигрантов в том, что они являются балластом для страны"[17, р.814]. Истоки такой политики следует искать в истории и географии. С одной стороны, канадское общество сформировалось как общество иммигрантов и в силу этого в нем господствуют положительное отношение к иммигрантам. Канадцев возмущает лишь нелегальная иммиграция, стремление «проскочить» в страну в обход очереди. С другой стороны, географическое положение Канады, «прикрытой» с Севера и Юга территорией США, а с Запада и Востока – морями и океанами позволяет более или менее успешно справляться с нелегальной иммиграцией и делать ставку на отбор наиболее подходящих иммигрантов в странах их происхождения.

Заключение

Завершая лекцию, я хотел бы остановиться на том, чем полезен институциональный подход к демографическим проблемам. Попробую свести это к двум основным пунктам.

1. Институциональный подход позволяет увидеть, что демографическую политику нельзя слепо копировать у других стран. Это объясняется тем, что в каждом цивилизационном регионе, а Россия безусловно относится к их числу, своя структура институтов. Снова вспомним в этой связи Д.Норта: «отдача определяется институтами» [15]. Значит, чтобы получить максимальную отдачу при имеющихся ресурсах необходимо сформировать

политику, эффективно «работающую» в условиях данной институциональной структуры.

2. Институциональный подход направлен на то, чтобы выработать взвешенный взгляд на роль институциональной структуры в демографическом развитии. Институциональная структура многослойна, ее самые глубинные пласты, по-видимому, малоподвижны. Однако пласты, расположенные ближе к поверхности относительно подвижны, их можно и нужно менять. Без этого, в частности, не решить проблему продолжительности жизни в России.

Если же брать еще шире, то институциональный подход, как и регионоведение в целом - хорошее «лекарство» от догматизма. Институциональный подход ориентирует на уважительное отношение к цивилизационной специфике и настороженное к тем теориям, которые эту специфику не желают замечать.

Литература

1. Ван де Каа Д. О международной миграции и концепции второго демографического перехода//Мир в зеркале международной миграции/Под ред. В.А.Ионцева, М.: Макс Пресс, 2002, с.90-96.
2. Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество. М.1982
3. Вишневский А.Г. Это ключ от другого замка//Общественные науки и современностью 2005. №2. С.150-155.
4. Вишневский А.Г. Демографическая революция. М.,1976
5. Демография и статистика населения/Под ред. И.И.Елисейевой. - М., 2006 (глава 10 «Теоретические концепции демографического развития»).
6. Захаров С. В. Перспективы рождаемости в России: второй демографический переход// Отечественные
7. Клупт М.А. Демографическая повестка XXI века: теории и реалии//Социологические исследования 2010. №8. С.60-71.
8. Клупт М.А. Демография регионов Земли. – СПб.: Питер, 2008.
9. Клупт М.А. Региональные альтернативы глобального демографического развития// Общественные науки и современность. 2012. № 2. С. 66-77
10. Клупт М.А. Страны Запада: будущее мультикультурализма в зеркале занятости//Мировая экономика и международные отношения.2012. №7. С.16-25.
11. Клупт М.А. Теория демографического развития: институциональная перспектива//Общественные науки и современностью 2005. №2. С.139-149
12. Коулмен Д. Иммиграции и этнические сдвиги в странах с низкой рождаемостью - третий демографический переход в действии // Миграции и развитие. М.: СП "Мысль", 2007, с. 12 - 48.
13. Налимов В.В. В поисках иных смыслов. М., 1993.
14. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. - М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
15. Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа//Вопросы экономики.1997.№3.
16. 2012 World Population Data Sheets – <http://www.prb.org>
17. Banting K. Is There a Progressive's Dilemma in Canada? Immigration, Multiculturalism and the Welfare State. Presidential Address to the Canadian Political Science Association. Montreal, June 2, 2010 // Canadian Journal of Political Science / 2010. V. 43. Issue 4. P.797-820
18. Dalla Zuanna G. The banquet of Aeolus: A familistic interpretation of Italy's lowest low fertility//Электронный журнал Demographic Research 2001, Vol.4, Article 5// www.demographic-research.org

19. Kaa, van de D.J. Anchored Narratives: The Story and Findings of Half a Century of Research into the Determinants of Fertility// Population Studies. 1996 Vol. 50(3): 389-442.
20. Kirk D. Demographic Transition theory// Population Studies. 1996 Vol. 50(3): 361-388.
21. McNicoll G. Legacy, Policy, and Circumstance in Fertility Transition//Population and Development Review. 2009. Vol. 35, No. 4: 777-795
22. Transatlantic Trends. Immigration. Topline Data 2010. http://trends.gmfus.org/immigration/doc/TTI2010_English_Top.pdf
23. Zakharov S. Russian Federation: From the first to second demographic transition Demographic Research (электронный журнал). July 2008. Vol. 19, article 24.<http://www.demographic-research.org/Volumes/Vol19/24>.